

На правах рукописи

Абуталипова Рамзана Асхатовна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

10. 02. 02 – Языки народов
Российской Федерации (башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Уфа – 2009

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания
государственного образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Башкирский государственный университет»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор, академик АН РБ
Зайнуллин Марат Валиевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Насилов Дмитрий Михайлович
(ГОУ ВПО «Московский государственный университет»)

доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН РТ
Ганиев Фуат Ашрафович
(ГОУ ВПО «Казанский государственный университет»)

доктор филологических наук, профессор, член-корр. АН РБ
Галяутдинов Ишмухамет Гильмутдинович
(ГОУ ВПО «Уфимская государственная академия искусств
им. З. Исмагилова»)

Ведущая организация Институт истории, языка и литературы
УНЦ РАН РФ

Защита состоится « 21 » мая 2009 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 013. 06 при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» по адресу: 450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан 18 апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

А.А. Федоров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из перспективных направлений современной лингвистики признается изучение разноуровневых языковых явлений и средств их выражения в комплексе, когда каждый компонент системы языка рассматривается в свете его функциональной релевантности (значимости).

Совокупность вербальных средств, относящихся к разным уровням языковой иерархии и служащих для передачи одного и того же инвариантного значения, представляет собой *функционально-семантическую категорию*. В современной аспектологии наряду с термином '*функционально-семантическая категория*' используется термин '*функционально-семантическое поле*', который выдвигает на передний план идею группировки (упорядоченного множества) взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системно-структурной организации (Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – С. 22).

Многие исследователи отмечают, что к наиболее распространенным в языках мира универсальным семантическим категориям относится *функционально-семантическая категория аспектуальности*, репрезентируемая вербальными средствами разных уровней языка, специализированными для передачи характера протекания и распределения действия во времени (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, В.М. Павлов, Т.В. Булыгина, М.А. Шелякин, В.С. Храковский, Ю.А. Пупынин, А.Д. Шмелев, А.А. Зализняк и др.).

Аспектуальность определяется как «семантический категориальный признак характер протекания и распределения действия во времени и вместе с тем как группировка ФСП, объединенных этим признаком», имеющая полевую структуру, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – взаимодействующие языковые средства (морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексико-грамматические, лексические и их разнообразные сочетания), объединенные общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений (Бондарко, А. В. Аспектуальность // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис ; отв. ред. А. В. Бондарко. – 3-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 40). Поскольку аспектуальное значение сосредоточено прежде всего в глагольном предикате, функционально-семантическую категорию аспектуальности относят к полям с акциональным (предикативным) ядром.

Исследование функционально-семантической категории аспектуальности с середины XX века стало развиваться как самостоятельный раздел языкознания – *аспектология*. Несмотря на это, проблема описания функ-

ционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языкознании остается открытой. До настоящего времени не исследовано функционирование языковых единиц с аспектуальными значениями, не определены компоненты и структура функционально-семантической категории аспектуальности, способы аспектологической деривации и средства репрезентации и др. В частности, многие годы неоднозначно решался вопрос о наличии или отсутствии в тюркских языках морфологической категории вида глагола, что приводило к концентрации внимания ученых на изучении этой узкой проблемы и задерживало процесс формирования башкирской аспектологии как самостоятельной отрасли языкознания.

Реферируемая диссертация посвящена изучению функционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языке.

Актуальность диссертационного исследования определяется необходимостью комплексного исследования обозначенной проблемы в башкирском языкознании с позиции современной аспектологии.

Существенным представляется выявление способов аспектологической деривации, исследование компонентов и структуру функционально-семантического поля аспектуальности, вербальных средств выражения аспектуальных значений в башкирском языке, результаты которых откроют перспективы для дальнейшего изучения такого многогранного языкового феномена, как функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке.

Объектом исследования является функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языкознании, а **предметом** – способы деривации и средства репрезентации аспектуальных значений в башкирском языке.

Цель диссертационной работы заключается в системно-структурном исследовании функционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языке, имеющей полевую структуру; выделении и описании способов деривации и вербальных средств репрезентации аспектуальных значений.

В работе выдвигается следующая **гипотеза**: если целенаправленно исследовать способы аспектологической деривации и разноуровневые вербальные средства репрезентации аспектуальных значений согласно принципу «от семантики к средствам ее выражения» в сочетании с подходом «от формы к семантике», т.е. от функций к средствам и от средств к функциям, то можно определить особенности содержательной структуры и взаимодействие компонентов функционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языке.

В соответствии с выдвинутой гипотезой и целью исследования в диссертации ставятся и решаются следующие **задачи**:

- произвести историко-лингвистический обзор и анализ состояния изученности проблемы аспектуальности, способов глагольного действия и вида (аспекта) в современном общем, славянском, тюркском и башкирском языкознании;

- выявить и теоретически обосновать особенности функционально-семантической категории (поля) аспектуальности в башкирском языке;

- выделить и изучить способы аспектологической деривации в башкирском языке;

- определить и исследовать доминирующие и периферийные компоненты функционально-семантического поля аспектуальности в башкирском языке, выявить содержательную структуру и внутривербальную иерархию его компонентов;

- изучить и описать особенности выражения аспектуальных значений единицами разных структурных уровней башкирского языка, произвести их систематизацию;

- раскрыть особенности взаимодействия функционально-семантических полей в разносистемных языках (на материале русского и башкирского языков).

Методологической основой исследования являются фундаментальные характеристики языка: системность языка и его иерархичность, взаимосвязанность и взаимообусловленность языковых явлений, интегративное взаимодействие лексики и грамматики, что проявляется в различных аспектуальных контекстах и ситуациях.

Теоретической основой диссертации послужили труды основоположников теории функциональной грамматики и аспектологии на материале славянских (Н.С. Авилова, Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгина, Ш.А. Быкова, Г.К. Венедиктов, В.Г. Гак, М.Я. Гловинская, А.А. Зализняк, Е.А. Земская, И.А. Калинин, С.Д. Кацнельсон, А.М. Ломов, Ю.С. Маслов, В.П. Недалков, В.М. Павлов, В.А. Плунгян, О.Н. Селиверстова, М.А. Теленкова, А.Н. Тихонов, В.С. Храковский, М.А. Шелякин, Д.Н. Шмелев и др.), тюркских (Ф.А. Ганиев, М.В. Зайнуллин, Д.М. Насилов и др.) языков, данные сравнительного языкознания (М.Н. Закамулина, Т.А. Кильдибекова, Э.М. Миргаязова, Р.З. Мурясов, С.П. Тиунова и др.).

Системно-структурный подход к языковым явлениям, разработанный в функциональной грамматике, дает возможность показать взаимосвязанность и взаимообусловленность разноуровневых функционально-семантических категорий, анализировать аспектуальные ситуации в процессе их функционирования, связать языковые и речевые явления в единое целое.

В работе использована **методика** системно-структурного лингвистического исследования с целью выявления функционально-семантических особенностей аспектуально релевантных вербальных средств башкирского языка; контекстологического анализа, компонентного анализа языковых единиц; сравнительно-сопоставительного анализа явлений башкирского и русского языков.

В качестве источников языкового материала послужили тексты башкирского фольклора, произведений классической и современной башкирской литературы, периодической печати. Широта фактического материала, его разнообразие и многоплановость позволили выявить разноуровневые средства репрезентации аспектуальных значений в башкирском языке (в тексте диссертации используется более 700 контекстов).

Научная новизна настоящей диссертационной работы проявляется в том, что впервые в башкирском языкознании проведено всестороннее исследование функционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языке с учетом современных достижений аспектологической науки; выделены и описаны способы аспектологической деривации и средства репрезентации аспектуальных значений; определены и описаны доминирующие и периферийные компоненты в структуре функционально-семантического поля аспектуальности в башкирском языке.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем: теоретически обосновано функционирование категории аспектуальности в системе башкирского языка; выделены две особые аспектуально значимые формообразующие категории глагола – категории кратности и интенсивности; исследованы особенности взаимодействия функционально-семантических полей в разносистемных языках (на материале башкирского и русского языков); дана авторская трактовка диффузных сегментов функционально-семантического поля аспектуальности и локативности, аспектуальности и темпоральности в зоне их взаимопроникновения.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузовских учебниках по лингвистическим дисциплинам, при чтении спецкурсов по функциональной аспектологии в башкирском и в других тюркских языках, в сопоставительной грамматике башкирского и русского языков.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. *Аспектуальность* представляет собой функционально-семантическую категорию, содержанием которой является характер протекания и распределения действия во времени, а выражением – взаимодействующие разноуровневые языковые средства, объединенные общностью семантических функций, принадлежащих к области аспектуальных отношений.

2. В башкирском языке в процессе аспектологической деривации задействованы синтаксический, морфологический, лексический, контекстуальный и комбинированный способы и соответствующие им вербальные средства, специализированные для репрезентации аспектуальных значений, совокупность которых образует функционально-семантическое поле аспектуальности. В агглютинативно-аналитических языках, где глагольный вид как грамматическая категория отсутствует, наиболее продуктивным способом аспектологической деривации является *анализм*.

3. Функционально-семантическое поле аспектуальности состоит из комплекса взаимодействующих, но самостоятельных «частных» функционально-семантических полей (ФСП) – кратности, интенсивности, лимитативности, длительности, фазовости и др.

Аспектуальные значения *кратности* и *интенсивности* действия в башкирском языке могут выражаться специализированными аффиксами, посредством которых создаются особые оппозиции – «многократность действия, осложненная признаком интенсивности : однократность действия» и «интенсивность действия ниже нормы : норма», «интенсивность действия выше нормы : норма». На этой основе мы выделяем в башкирском языке две особые формообразующие категории глагола – категории *кратности* и *интенсивности*, которые являются доминирующими компонентами как соответствующих «частных» ФСП, так и поля-основы – функционально-семантического поля аспектуальности.

4. «Частные» ФСП лимитативности, длительности и фазовости выражаются синтаксическими, лексическими, контекстуальными и комбинированными средствами. В башкирском агглютинативно-аналитического строя языке наиболее продуктивными средствами репрезентации аспектуальных значений являются аналитические средства. Существенную роль в речи играют и контекстуальные средства, представленные обстоятельствами образа действия, времени, меры и степени, дополнениями во множественном числе и т.п. Регулярных морфологических средств выражения они не имеют, поэтому у них нет четко выраженного грамматического ядра. Данные ФСП занимают периферийную зону в сфере функционально-семантического поля аспектуальности.

5. Функционально-семантические поля, функционируя в языке в виде интегрирующихся структур, проникая в сферы взаимодействия, образуют диффузные (совмещенные) сегменты. Данное явление наблюдается как на уровне одного функционально-семантического поля (например, компоненты ФСП аспектуальности образуют диффузные сегменты кратности-интенсивности, фазово-длительности, лимитативно-кратности, кратности-интенсивности и других типов), так и на уровне функциональ-

но-семантических полей разных семантических зон (например, ФСП аспектуальности, взаимодействуя с ФСП локативности и темпоральности, образует совмещенные сегменты аспектуально-локативного, аспектуально-темпорального, аспектуально-темпорально-локативного типов).

6. Взаимодействие функционально-семантических полей в разносистемных языках (например, в русском и башкирском) имеет специфические особенности. В русском и башкирском языках грамматические средства для выражения локативных (пространственных) значений не имеются, поэтому взаимодействие аспектуальности и локативности идет на уровне функционально-семантических полей, основным средством выражения которого является совмещение пространственно-временных значений в аналитических глагольных конструкциях.

В русском языке функционально-семантические поля аспектуальности и темпоральности, имеющие грамматические ядра в виде глагольных категорий вида и времени, в центральной зоне интеграции образуют видо-временной сегмент, а в башкирском языке, где категория вида глагола отсутствует, взаимодействие происходит на уровне функционально-семантических полей аспектуальности и темпоральности.

Апробация работы и внедрение результатов исследования.

По теме диссертации опубликовано 49 работ (40 п.л.), в том числе 1 монография (18,4 п.л.), 1 учебно-методические материалы для студентов высших учебных заведений (7 п.л.), 8 статей в научных изданиях, рекомендованных ВАК МО и Н РФ (Москва 2007 (2), 2008 (2), Челябинск (2), Санкт-Петербург (1), Уфа 2008 (1)).

Фактический материал диссертационной работы используется при чтении спецкурса «Категория аспектуальности в башкирском языке» для студентов V курса факультета педагогики и методики начального образования Стерлитамакской государственной педагогической академии имени Зайнаб Бишевой.

Результаты исследования были изложены в виде докладов на международных (9), всероссийских (13), республиканских (4) и других (7) научных и научно-практических конференциях.

Рукопись диссертации обсуждена на заседании кафедры общего и башкирского языкознания Башкирского государственного университета.

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы (440 наименований) и списка цитируемых текстов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования; раскрывается степень научной разработанности проблемы; определяются объект и предмет исследования; выдвигается научная гипотеза; обозначаются цели и задачи; рассматриваются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту; сообщается о фактическом использовании результатов исследования; приводятся сведения об апробации положений диссертации на различных научных конференциях.

Первая глава «Теоретические основы функционально-семантических исследований категории аспектуальности», состоящая из 3-х параграфов, посвящена изложению историографии вопроса, изучению теоретических основ функциональной грамматики и функционально-семантических исследований в современном языкознании, определению предпосылок их изучения на материале башкирского языка.

В первых двух параграфах производится краткий экскурс в историю изучения глагольного вида, способов действия и аспектуальности; прослеживается долгий путь формирования современных взглядов на эти разноуровневые категории в общем, славянском (русском) и тюркском (башкирском) языкознании, раскрывается их лингвистический статус.

Историко-лингвистический анализ научной литературы по проблемам категорий аспектуальности, способов действия и глагольного вида показывает, что в языке любой системы история их изучения берет начало с выделения и описания наиболее четко выраженных специализированных вербальных средств с той или иной аспектуальной семантикой. Следующим этапом является освоение категорий глагольного вида и видовых значений (способов глагольного действия).

Важным этапом в развитии аспектологии явилось разграничение вида глагола и способов действия как двух самостоятельных языковых категорий. В тех случаях, когда члены оппозиции СВ : НСВ лексически абсолютно тождественны (*делать – сделать; писать – написать* и т.п.) и глагольная пара различается только по признаку СВ / НСВ, она носит словоизменительный характер и выступает как чисто грамматическая категория. Если же аффиксы привносят в семантику глагола дополнительный смысловой оттенок (*делать – переделать; писать – списать*) или способствуют отклонению от первичного лексического значения, то налицо явление формообразования и словообразования, т.е. новая словоформа относится к тому или иному способу действия, или к новой лексеме.

Выделение и изучение категории аспектуальности в рамках функциональной грамматики относится уже ко второй половине XX столетия.

В последние десятилетия теория функциональной грамматики в отечественном языкознании достигла больших успехов: проведены фундаментальные исследования в области функционально-семантических категорий, в том числе категории аспектуальности, выделены и описаны компоненты ФСП аспектуальности, определены разноуровневые средства вербализации аспектуальных значений (А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов, М.А. Шелякин, В.С. Храковский и др.). Однако в тюркологии, в том числе и в башкирском языкознании, проблема лингвистического статуса категорий глагольного вида, способов глагольного действия и аспектуальности продолжает оставаться одной из не до конца решенных научных проблем.

В тюркских языках вплоть до 20-х годов XX в. глагольные формы и аналитические конструкции с видовыми значениями рассматривались безотносительно к категории вида (И. Гиганов, А. Казембек, Г. Алпаров, М. Иванов, К. Насыри и др.).

Однако впоследствии, по-видимому, под влиянием результатов исследований славянского глагольного вида, мнения ученых и авторов учебных грамматик по тюркским языкам разделились.

Одни констатировали наличие глагольной категории вида и в тюркских языках (З.И. Алиева, Ал. Архангельский, Н.З. Бакеева, Д. Бердыев, В.А. Богородицкий, А.К. Боровков, Н.Э. Гаджихмедов М.Х. Курбангалиев, И.Е. Маманов, М.К. Уюкбаев, А.И. Харисов, Г.Ш. Шарипов и др.).

Другие придерживаются мнения, согласно которому грамматическая категория вида в той форме, которая свойственна славянским языкам, в тюркских языках отсутствует (Н.И. Ашмарин, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев, М.З. Закиев, Н.Ф. Катанов, С.К. Кенесбаев, Р.З. Мурысов, В.М. Насилов, Д.М. Насилов, Н.О. Оралбаева, Б.А. Серебренников, А.Н. Тихонов, В.Н. Хангильдин, А.М. Щербак и др.).

Третьи признают наличие глагольных форм совершенного и несовершенного вида и в тюркских языках, но в то же время указывают на отличие данных форм от форм вида глагола в славянских языках (Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, А.Н. Кононов, Г.Д. Санжеев, Л.Н. Харитонов, А.А. Юлдашев и др.).

В башкирском языкознании категория вида рассматривается с разных позиций: глагольные словоформы с видовыми значениями Дж.Г. Киекбаев и А. Мансуров рассматривают безотносительно к категории вида; ученые-башкироведы Н.К. Дмитриев, А.И. Харисов, Р.Н. Тергулова, К.З. Ахмеров и др. аналитические и морфологические средства выражения видовых значений относят к категории глагольного вида, хотя при ее описании выделяют такие особенности словоформ, которые выходят далеко за пределы форм совершенного и несовершенного вида.

Ряд ученых (Р.О. Шенкнехт, Б.Н. Головин, Р.З. Мурясов, К.З. Закирьянов и др.) считает, что в башкирском языке вид как отдельная грамматическая категория глагола отсутствует, глагольные формы с видовыми значениями относятся к средствам выражения способов глагольного действия или функционально-семантической категории аспектуальности.

В современных учебниках и учебных пособиях для студентов вузов по башкирскому языку (М.В. Зайнуллин, Н.Х. Ишбулатов, М.Х. Ахтямов, А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин, К.Г. Ишбаев и др.) аналитические и морфологические средства выражения видовых значений авторы относят к формам морфологической категории объема (вида) глагола, хотя выражаемые ими способы глагольного действия перечисляются практически безотносительно к грамматической категории вида в его общепринятом в славистике понимании.

Таким образом, учение о категории глагольного вида и способах глагольного действия в тюркологии и в башкирском языкознании прошло сложный путь от смешения этих разноуровневых категорий до признания их как тесно взаимосвязанных, но самостоятельных языковых категорий.

В третьем параграфе определены основные подходы к выделению и изучению функционально-семантических категорий в современной лингвистике. В функциональной грамматике базовыми понятиями являются *семантические категории* и их функционирование в языке (в речи).

Термин *семантическая категория* предполагает наличие основных *инвариантных категориальных признаков* (семантических констант), выступающих в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (морфологическими, синтаксическими, лексическими, а также комбинированными) средствами. По определению А.В. Бондарко, семантические категории грамматики в их соотношениях составляют базу системного членения языковых значений и семантических функций на пересекающиеся и взаимодействующие «области содержания».

Так, в функциональной грамматике понятие *функционально-семантическое поле* определяется как явление, базирующееся на определенной *семантической категории* и представляющее собой единство грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

Репрезентация ФСП в речи связана с понятием *ситуация* (категориальная, речевая, аспектуальная и т.д.). *Категориальная ситуация* – это один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одной из категориальных характеристик которого является *аспектуальная ситуация*. Понятие ‘*речевая ситуация*’ рассматривается нами как контекстуаль-

ная ситуация, где раскрываются аспектуальные значения глагола-сказуемого (предиката) и глагольных форм.

Огромный вклад в теорию общей и славянской аспектологии внесла Ленинградская аспектологическая школа, созданная Ю.С. Масловым, А.В. Бондарко и их учениками. Лингвистические понятия, разработанные ими, составили теоретическую базу отечественной аспектологии, в рамках которой разрабатывается модель функциональной грамматики, основанной на понятиях *функционально-семантическое поле* и *категориальная ситуация*.

В современном языкознании изучение функционально-семантических категорий и разноуровневых средств выражения аспектуальных значений в рамках ФСП, в том числе описание функционально-семантической категории аспектуальности, становится одним из ведущих методов лингвистических исследований. В башкирском языкознании аспектуальность как функционально-семантическая категория еще не выделена и не изучена.

Во второй главе – «Аспектологическая деривация в башкирском языке» – выделяются и описываются средства выражения аспектуальных значений.

Анализ аспектологической деривации в разносистемных языках показывает, что в данном процессе задействованы разные языковые единицы – от отдельных грамматически оформленных глагольных лексем, до аспектуально значимых контекстов. При этом учитывается, что в разных языках предпочтение отдается различным способам деривации. Так, например, если в русском языке флективно-синтетического строя наиболее продуктивным способом деривации является *синтетизм*, то при выборе средств деривации языковых единиц в башкирском языке агглютинативно-аналитического строя предпочтение отдается *анализму*, или аналитическому способу.

При *аналитическом способе* две или несколько глагольных основ объединяются в аналитические глагольные конструкции (АГК) по модели «основной глагол + модифицирующий собственно вспомогательный или функционально вспомогательный глагол». Что касается семантической наполненности и выполняемой функции каждого из компонентов АГК, то основную смысловую нагрузку в них несет первый компонент, второй компонент выступает в роли аспектуального модификатора.

По функции аналитические глагольные конструкции делятся на *лексические, морфологические и синтаксические*.

К *лексическим* относятся АГК, которые несут двойную функциональную нагрузку: образуют новую аналитическую глагольную словоформу и одновременно содержат ту или иную аспектуальную семантику: *Юлия*

боллохоузан койолоп төштө (Х. Давлетшина) – 'Юлия от волнения растерялась'. В подобных идиоматических конструкциях компоненты, чаще всего, вспомогательный глагол, полностью теряют свое исходное значение, и значение конструкции складывается диффузно.

В башкирском языке имеются АГК, образующие единый член предложения и служащие для выражения форм наклонения (*барғым килә* 'хочется идти'; *һөйләмәксе ине* 'намеревался рассказать'), модальности (*яза ала* 'может писать', *уҡыу кәрәк* 'надо читать'). Имеются также особые формы прошедшего времени, выражающие совмещенные аспектуально-темпоральные значения: *килә ине* 'приходил (тогда)' *килә торғайны* 'приходил тогда (давно)', *килгән булған* 'оказывается, приходил'. *Ниязгол һаман һөйләй ине* (Х. Давлетшина) – 'Ниязгул все еще говорил (тогда)'. *Элек ул арҙы (молотилкаларҙы) һалам менән ябып калдыра торғайнылар* (Х. Давлетшина) – 'Раньше их (молотилки), (тогда) укрывали соломой'.

В формировании контекстов с аспектуальными значениями задействованы преимущественно АГК *синтаксического* типа, образованные по модели «основной глагол в деепричастной форме на *-а/-ә, -й, -п* + модифицирующий собственно вспомогательный или функционально вспомогательный глагол(ы)». В конструкциях с аспектуальной семантикой выражаемое ими аспектуальное значение связано, хотя бы отдаленно, с семантикой вспомогательного глагола, выступающего в роли аспектуального модификатора: *Һөнәрсе күзгә күренеп шинә, һүнә башлаган* (З. Бишева) – 'Мастер ошутимо начал увядать, гаснуть'; *Әсәйем миңә һөйләп бирҙе* (М. Карим) – 'Мама рассказала'; *Гөлийәҙәм урағын ергә төшөрөп ебәрҙе* (Х. Давлетшина) – 'Гульюзум уронила серп на землю'. На наш взгляд, именно этот показатель является основной отличительной чертой синтаксического аналитизма в сфере аспектуальности от других типов аналитизма – лексических, морфологических, а также от свободных словосочетаний.

Далее описывается *морфологический способ* аспектологической деривации в башкирском языке, представленный *аффиксацией* и *редупликацией*.

В системе башкирского языка в образовании глагольных словоформ с аспектуальными значениями используется довольно большой арсенал аффиксов: *-кыла(-кла), -итыр/-итер, -л/-ла, -кысла/-кеслә, -ылда/-елдә, -н/-ын, -и/-ыи, -ыңкыра/-еңкерә, -ымһыра/-мһыра, -һын, -анда, -макла* и их фонетические варианты. Выбор алломорфа зависит от качества фонемного состава исходной формообразующей основы.

Следует отметить, что в башкирском языкознании глагольные словоформы, осложненные этими аффиксами, до настоящего времени определяются неоднозначно.

В Академической грамматике башкирского языка данный способ деривации рассматривается как способ внутриглагольного словообразования. А. Мансуров выделяет аффиксы *-гыла/-гәлә, -итыр/-итер*, образующие *кратную степень* глагола, глагольные формы, осложненные аффиксами *-ыңкыра/-ңкыра*, считает формой *усилительной степени*, с аффиксами *-ымһыра/-мһыра* – *степенью ослабления*.

Н.К. Дмитриев рассматривает формы с аффиксами *-ңкыра/-ңкерә* как специальные формы *усиления* или *ослабления* глагольного действия (состояния). А.И. Харисов, Н.Х. Ишбулатов считают их аффиксами *многократного вида* и *вида ослабления*.

Дж.Г. Киекбаев для обозначения данного явления, не укладывающегося в рамки глагольной категории вида, вводит термин *категория объема глагола*, правда, никакие уточнения и разъяснения о лингвистической природе самой категории им не даются. В последующем эти аффиксы приводятся в составе морфем, образующих формы объема глагола, но, по традиции, в скобках дается и термин *төр* 'вид': *кылымдың күләм (төр) категорияһы* (М.В. Зайнуллин, Н.Х. Ишбулатов, А.М. Азнабаев, В.Ш. Псянчин, К.Г. Ишбаев и др.).

Мы полагаем, что подобные разночтения объясняются отсутствием в башкирском языкознании аспектологического подхода к языковым явлениям (к образованию слов и их форм в том числе).

Результаты нашего исследования показывают, что в башкирском языке эти аффиксы используются в сфере аспектологической деривации. Причем, они присоединяются непосредственно к производящей глагольной основе, а аффиксы других глагольных категорий ставятся после них, следовательно, в аспектологическом формообразовании представлен лишь один вариант аффиксов – *суффиксы*: *Уктар тыкылдашып түмәрҙе тишкеләне* (Р. Низамов) – 'Стрелы, стуча, расщепляли пень'; *Ике имән янында һеләүһен алдындағы үләндәрҙе ескәштереп тора* (Р. Низамов) – 'Меж двух дубов стоит рысь, понохивая траву'; *Ул (Диләкәй), тирләп бешкән битен һыйпап, озон кара сәс толомдарын артка ташлап ахылдай* (Х. Давлетшина) – 'Она (Дилякай) ахает, глядя потное лицо, закинув длинную косу назад'.

Для усиления оттенка незначительности или редкости многократного действия аффиксы *-итыр* и *-гыла* могут использоваться одновременно: *Малкай, ысыклы үләнде көйшәһә лә, колактарын тиз-tiz генә кайсылатып, уң тарафка башын нык күтәрәп караштыргылай* (Р. Низамов) – 'Скотинушка, хотя жует росистую траву, быстро-быстро прядая ушами, посматривает на правую сторону, высоко подняв голову'.

В башкирском языке в аспектологической деривации активно используется *редупликация*. В репрезентации аспектуальных значений принимают участие как редуплицированные деепричастия – аспектуальные модификаторы, так и повторяющиеся глаголы-сказуемые, а также основы предложений, даже целые синтаксические конструкции: *Хасбулат олатай, төтөнлөккә сыбык-сабык ыргыта-ыргыта, һалмак, уйсан ғына тауыш менән һөйләп китте* (З. Биешева) – 'Дедушка Хасбулат, подбрасывая в дымокур прутья, мягким задумчивым голосом начал свой рассказ'. – *Айбулат, ана шул кәртә эштәрен йәһәтлә, йәһәтлә, – тине Рәхимә* (Х. Давлетшина) – 'Айбулат, вот те дела во дворе поторопи, поторопи, – сказала Рахима'. *Беләм, беләм, һыуҙар кире аҡмай, Тик мин генә кире уҡталам* (Р. Бикбаев) – 'Знаю, знаю, не текут реки обратно, только я порываюсь вернуться назад'. *Туп тәғәрләй – ул йүгерә, туп тәғәрләй – ул йүгерә* (М. Карим) – 'Мяч катится – он бежит, мяч катится – он бежит'.

Выражение аспектуальных значений редупликацией мы относим к морфологическому способу формообразования.

Аналитические и морфологические (аффиксация и редупликация) способы выражения видовых значений и способов глагольного действия в башкирском языкознании в той или иной степени изучены. Остальные способы аспектологической деривации еще не были предметом научных изысканий.

Результаты нашего исследования показывают, что в башкирском языке в сфере выражения аспектуальных значений задействованы средства и других уровней языка, а именно, лексические, контекстные (контекстуальные), интонационные и комбинированные.

Когда характер протекания действия выражается в рамках глагола-сказуемого и не модифицируется другими вербальными средствами, речь следует вести о *лексическом способе* деривации аспектуальных значений: *Япрағын, сәскәнен өҙҙөм* (Р. Низамов) – 'Сорвал (его) лист, цветок'; *Кешеләр үзәренең көндәлек эштәренә керештеләр* (Х. Давлетшина) – 'Люди приступили к своим каждодневным делам'.

В тех случаях, когда глагольная основа не может передать всю гамму оттенков характера протекания выражаемого ею действия, субъект речи обращается к другим вербальным средствам. Наиболее ярко это проявляется при сравнительном анализе глаголов-сказуемых, выраженных *фразеологизмами, паронимами и синонимами*.

В речевой конструкции *фразеологическая единица*, во-первых, как и самостоятельная глагольная лексема, обозначает то или иное действие и выполняет в предложении синтаксическую функцию сказуемого; во-вторых, одновременно может привносить в высказывание то или иное ас-

пектуальное значение. Подобные фразеологизмы мы относим к лексическим средствам выражения аспектуальных значений: *Карт был хәбәрҙән тағы кара янды* (Х. Давлетшина) – 'Старик от этой вести снова почернел'; *Рәхимә кырт кисте* (Х. Давлетшина) – 'Рахима резко отрезала'; *Караңғы төшкәс, тамак ялған алдык* (С. Кулибай) – 'Когда наступили сумерки, перекусили'.

Очень интересное явление обнаружено нами при сравнительном анализе семантики компонентов глагольной паронимической пары. Они несут в языке в основном двойную функциональную нагрузку: обозначают то или иное конкретное действие, процесс, в то же время уточняют характер протекания обозначенного им действия или процесса. *Глаголы-паронимы* мы относим к лексическим средствам выражения аспектуальности. Например, в паронимической паре *туң-* 'застыть, сильно замерзнуть' – *туңаз-* 'немного промерзнуть, застыть' первый компонент обозначает большую степень замерзания, чем второй: *Уңһа ла үзе, туңһа ла үзе* 'Повезет так – сам, замерзнет так – тоже сам' (Поговорка); *(Хаммат) иртүк, ер туңазыған сакта, ат эйәрләп менә лә, ауылдарға сығып китә, төнләтәп, юл туңазығас кына кайтып килә* (З. Биешева) – (Хаммат) рано утром, пока земля еще подмерзлая, оседлав коня, садится и уезжает по деревням, возвращается к ночи, когда дорога немного подмерзнет'.

При попарном сопоставлении *глаголов-синонимов* одного гнезда мы также выявляем, что они практически различаются только в выражении различных аспектуальных значений. Например: *сап-* 'мчаться, скакать', *ел-* 'нестись', *юрт-* 'трусить'. Все глаголы данного синонимического гнезда объединены общей семьей – 'передвижение на лошади'. А разные глагольные основы используются в речи для уточнения интенсивности движения: *Уның ошо уйын раслагандай, теге кеше атын саптырырға тотондо* (Р. Низамов) – 'Как будто подтверждая его мысли, тот человек пустил коня вскачь'; *Бүтән ир-егеттәр зә, кылыстарын һелтәп, алға елдерә* (Р. Низамов) – 'И остальные мужчины, взмахивая саблями, несутся вперед'; *Ошоллай уйлана-уйлана, егет атын юрттыра* (Р. Низамов) – 'Так, задумавшись, джигит заставляет коня бежать трусцой'.

В башкирском языке наряду с аналитическими, морфологическими и лексическими способами важное место занимают *контекстные (контекстуальные)* средства – обстоятельства, дополнения, выраженные наречиями, конструкциями со служебными словами, фразеологизмами, существительными во множественном числе и т. п., выполняющие функцию аспектуальных модификаторов.

Так, в самой семантике многих *наречий-обстоятельств* предугадывается характер протекания определяемого ими действия во времени (*тиз* 'быстро' *озак* 'долго'), его интенсивности (*аз* 'мало', *күп* 'много'): *Ул (Нурбулат) Оло Эйәнең яуабын озақ көттө* (Р. Низамов) – 'Он (Нурбулат) долго ждал ответа Старшего Хозяина'; *Улар эште тиз тоттолар* (Х. Давлетшина) – 'Они быстро управились с работой'.

В рамках определения способов аспектологической деривации в башкирском языке большой научный интерес представляет выявление места и роли *послелогов, союзов и частиц*.

Послелог (*бәйләүестәр*) в сочетании со знаменательными частями речи придают речевой конструкции разнообразную гамму оттенков аспектуальной семантики: *Бына оңо көндән бирде Айбулатты тәрән үй алды* (Х. Давлетшина) – 'Начиная с этого дня, Айбулат глубоко задумался'; *Яз буйында тамсы дым төшмәне, күк үләндәр ерзән сак калкты* (Р. Бикбаев) – 'В течение весны не выпало ни капли влаги, зеленая трава еле поднялась с земли'.

Союз (*теркәүес*) *да/дә, ла/лә, та/тә, за/зә* в значении 'и' между повторяющимися глаголами-сказуемыми обозначает длительность действия: *Ямгыр өзлөкһөз быскаклай за быскаклай* (Н. Мусин) – 'Дождь беспрестанно моросит да моросит'. Конструкция «союзы *бер...*, *бер...*; *але ...*, *але ...*; *берсә...*, *берсә ...* 'то-то' + однородные обстоятельства» обозначает регулярную или нерегулярную повторяемость разнонаправленных (дистрибутивных) действий: *Һунарсы әле бер бейгә, әле бер килгән кешегә күз ташланы* (Р. Низамов) – 'Охотник бросил взгляд то на бия, то на пришедшего человека'.

Частица (*кисәксә*) *да/дә, ла/лә, та/тә, за/зә* в значении 'и, да', используемая между компонентами аналитической конструкции, усиливает значение интенсивности действия, процесса: *Исмәгил сығып та китте* (Х. Давлетшина) – 'Исмагил взял да ушел'. *Өйөрмә килгән дә шул арала үттеп тә киткән* (М. Карим) – 'Вихрь пришел да и тут же прошел'.

Усилительная *частица* *ук/үк* со словами, указывающими на время, скорость действия, используется для подчеркивания скорости или интенсивности действия: *Бәләкәй тырыздары тиз үк туду* (Р. Низамов) – 'Маленький кузовок тут же заполняется'. В положении между основным и вспомогательным глаголами частица *ук/үк* способствует усилению значения основного глагола. Например: *Рахима асыуынан, аптырауынан урынынан һикереп үк торзо* (Х. Давлетшина) – 'Рахима от злости, от удивления аж вскочила с места'.

Конструкции с частицей *кына/кенә* в значении 'только, совсем, едва' способствуют ослаблению интенсивности действия: *Бер-ике кеше бышылдап кына һөйләшә* (Р. Низамов) – 'Один-два человека разговаривают шепотом'. *Мин шым ғына ятам 'Я лежу совсем тихо'* (М. Карим). *Буран һыпырта ғына* 'Вьюга так и метет' (Из разговорной речи).

Наречие *үтә* 'очень' в функции частицы (явление партикуляции) усиливает интенсивность действия или состояния: *Инде өлкән улы Хаммат менән кинйә улы Закирга килгәндә, улар үтә зирәк булдылар* (З. Бишшева) – 'Что касается старшего сына Хаммата и младшего сына Закира, они были очень сметливыми'.

В роли аспектуальных модификаторов могут выступать *обстоятельства, дополнения*, выраженные существительными во множественном числе: *Кистәрән без өсәүләп гастролгә килгән театрзәрзың тамашаларына, концерттарга йөрөнөк* (М. Карим) – 'Вечерами мы ходили на концерты, представления театров, приехавших на гастроль'. *Ул көндәрзә атаклы һүз оштаһы Владимир Яхонтов "Сергей Есенин" тигән программа менән сығыштар яһай ине* (М. Карим) – 'В те дни известный мастер слова Владимир Яхонтов выступал (делал выступления) с программой "Сергей Есенин"'.

Фразеологизмы, занимающие в синтаксической конструкции зависимую позицию и выполняющие функцию обстоятельства времени, меры и степени, выступают в роли аспектуального модификатора и выражают усиление или ослабление интенсивности действия: *Шунан, майга үт төрткәндәге кеүек, низер, күз асып йомғансы токанып, тотош утка әйләнә* (Из эпоса) – 'Затем, как зажженное масло, что-то, вспыхивая в мгновение ока, превращается в сплошной костер'; *Караңгы төшөгә тамак ялгарга ултырзык* (С. Кулибай) – 'С наступлением сумерек сели перекусить'.

При необходимости более точной дефиниции оттенков в характере протекания действия используются *комбинированные* способы.

При *аналитико-синтетическом* способе то или иное аспектуальное значение, выраженное посредством АГК, может уточняться путем присоединения аффиксов аспектуальности к одному из его компонентов: 1) к основному глаголу в деепричастной форме: *Ә ата каз һаман мине өзгөләй бирзе* (М. Карим) – 'А гусак продолжал раздирать меня', 2) реже – к вспомогательному компоненту: *Ә кайһы берзә уга: «Ысынлап та ул булһа, күрһә ине, нисегерәк икән хәзер Фред?» – тигән дыуамал үй за килеп куйғылай* (Н. Мусин) – '(Иногда) ей в голову приходит шальная мысль: «Если действительно он, увидеть бы, каким стал Фред сейчас?»'.

При *комбинированном контекстуально-аналитическом* способе аспектуальное значение уточняется дополнительными модификаторами, при

этом одно аспектуальное значение может наслаиваться на другое аспектуальное значение, выраженное в данном контексте аналитически, и образует в одних случаях совмещенное (диффузное) аспектуальное значение, в других – одно аспектуальное значение, трансформируемое в другое: *Өстәүенә, һәр төрлө сикләүҙәрҙе үйлап табып кыңа торалар* (Н. Мусин) – 'Вдобавок, находят же всякие ограничения (досл.: думая, находят'. *Өфөнән был төбәк базарына кызыл мал һатыусылар һәр ваҡыт килеп йөрөй* (Г. Хайри) – 'На этот местный базар из Уфы постоянно приезжают торговцы красным товаром (красной тканью)!'.

В передаче аспектуального значения интенсивности действия в устной речи существенную роль играет **интонация**. При письменном оформлении для выражения интонации используется определенный порядок слов, редупликация, продление гласного в слове, знаки препинания и др. Например: *Бирмәй һуң, бирәлә-ә-әр* (Н. Мусин) – 'Как не дают, даю-у-у-т'. *Мәликә би-и-и-ик илай, биқ илай* (Из эпоса) – 'Малика о-о-очень плачет, очень плачет'. *Күпме йылдар буйы өмөт менән йәшәй улар!* (Я. Хамматов) – 'Сколько лет живут они с надеждой!'.

Таким образом, в башкирском языке представлены следующие способы аспектологической деривации: синтаксический (аналитический), морфологический (аффиксация и редупликация), лексический, контекстный, интонационный и комбинированный.

В третьей главе – «Компоненты и структура функционально-семантической категории аспектуальности в башкирском языке и средства их репрезентации», состоящей из пяти параграфов, выявляется и классифицируется инвентарь аспектуальных значений в башкирском языке, определяются структура и компоненты функционально-семантической категории аспектуальности, рассматриваются особенности реализации семантической сферы аспектуального поля, систематизируются средства их выражения.

Структура функционально-семантической категории аспектуальности может быть истолкована как функционально-семантическое поле, создаваемое взаимодействующими частными полями.

Как было отмечено выше, в башкирском языкознании структура и компоненты поля аспектуальности до настоящего времени не были определены. Целенаправленный компонентный анализ средств аспектологической деривации позволяет судить о том, что в башкирском языке имеются разноуровневые вербальные средства, объединенные на основе общности их семантической функции – актуализации аспектуальных значений и аспектуальных ситуаций. Репрезентация аспектуальных значений разноуровневыми вербальными средствами языковой системы дает основание

считать, что они составляют полевую структуру, состоящую из «частных» функционально-семантических полей.

В аспектологии выделяются следующие «частные» ФСП в сфере поля аспектуальности: лимитативность, длительность, кратность, фазовость, перфектность, поля действия (акциональности), состояния (статальности), отношения (реляционности). В то же время отмечается, что некоторые принципиальные вопросы данной многогранной проблемы остаются на стадии разработки, вследствие чего еще нет общепринятой единой классификации компонентов поля аспектуальности.

Поэтому мы не ставим задачу выделения и описания всех компонентов функционально-семантического поля аспектуальности, а исследуем наиболее значимые в башкирском языке ФСП *кратности, интенсивности, лимитативности, длительности, фазовости*. На их основе будем обозначать общие контуры и структуру поля аспектуальности в башкирском языке.

В параграфе **«Кратность и интенсивность как доминирующие компоненты поля аспектуальности в башкирском языке»** мы исследуем аспектуальные значения кратности и интенсивности действия. В функциональной грамматике предметом изучения категории **кратности** являются такие значения, которые, присоединяясь к значениям глагольных лексем, характеризуют их по количеству «крат» или непрерывности / прерывности осуществления, а под **интенсивностью** понимается качественная характеристика действия. Основоположники отечественной аспектологии значение интенсивности рассматривают в рамках способов глагольного действия.

Аспектуальное значение *кратности действия* реализуется как совокупность двух сопряженных значений: *однократности (единичности) и неоднократности (множественности, повторяемости)*.

Значение *однократности действия* выражается преимущественно семантикой самой глагольной основы (*лексический способ*): *Шаңдау иң элек шаңкытқансы йылкы башына һукты* (З. Султанов) – 'Эхо в прежде всего до оглушения ударило по головам лошадей'. Значение однократности может выражаться *аналитическими моделями* «деепричастие на -п + глаголы бир- 'дать', куй- 'поставить', ташла- 'бросать', ал- 'брать' и др.»: *Караһакал гәжәпләнгәнән һызғырып күйҙе* (Б. Рафиков) – 'Карасакал от удивления свистнул'. Единичность ситуаций может модифицироваться и *контекстуальными средствами* – посредством обстоятельств меры и степени: *Бер ынтыдыуҙа Рәсүлдә һугып осорҙом* (Н. Мусин) – 'Свалил Расуля одним взмахом' (досл.: ударил так, что он полетел).

В аспектологии выделяются два вида *неоднократности действия* – *собирательная* и *итеративная*. Собирательная неоднократность представлена *мультипликативным* и *дистрибутивным* типами.

В башкирском языке значение неоднократности действия выражается морфологическими, синтаксическими (аналитическими), лексическими, контекстуальными и комбинированными средствами, типы же многократности в большинстве случаев конкретизируются лишь в контексте.

В реализации значения неоднократности (многократности, повторяемости) действий используются аффиксы *-кыла(-кла)*, *-итыр/-итер*, *-кысла/-кеслә*, *-ылда/-елдә* и др. Как было уже отмечено, мы относим их к *морфематическому способу* аспектологического формообразования.

Продуктивный аффикс *-кыла(-кла)* и его алломорфы придают глагольной основе значение эпизодической нерегулярной повторяемости или раздробленности во времени неинтенсивного действия: *Ел һаман беззең кайыңдың ботактарын тарткылай* (М. Карим) – 'Ветер все еще подергивает ветки нашей березы'. *Земскийзың кейемдәре өзгөләнә...* (Г. Хайри) – 'Одежда земского разрывается'. На многократность действия указывает и форма множественного числа имени существительного. Глагольные формы с этим аффиксом могут выражать мультипликативный и дистрибутивный типы неоднократности.

Итеративная многократность реализуется преимущественно контекстуальными средствами, поэтому синтетический способ выражения данного типа неоднократности встречается реже, чем собирательный тип кратности действий: *Ямгырзар яугыланы* (Р. Низамов) – '(Иногда, временами) шли дожди'.

Аффикс *-итыр/-итер* обозначает еще большую степень раздробленности действия во времени и ослабленное проявление действия. Он чаще выражает мультипликативную многократность ситуаций: *Зөләйха, сәй эскән арала, казанга һалған эркетен бер нисә тапкыр болганы, утын кагыштырзы* (Н. Мусин) – 'Зулейха, пока пила чай, несколько раз помещала катык, налитый в казан, поворошила поленья в костре'.

Аффикс *-ылда/-елдә* чаще всего выражает мультипликативный тип неоднократности ситуаций: *Кара, кара, үзе зыңкылдай* (Х. Давлетшина) – 'Смотри, смотри, само (ведро) позвякивает'.

В зависимости от семантики исходной основы аффикс *-л/-ла* может передавать значение многократности: *Белмәйем: Әллә алла, Әллә иблис Алдалай!* (Ш. Бабич) – 'Не знаю: то ли бог, то ли сатана обманывает'.

Значение неоднократности ситуаций может выражаться *редупликацией*: *Һанама, кәжүк, һанама, гүмерем сәгәттәрен* (З. Кутлугильдина) – 'Не считай, кукушка, не считай часы жизни моей'.

При *лексическом* способе основа глагола-сказуемого передает значение многократности, членности действия на микроситуации: *Айкала тирәккәйем, сайкала тирәккәйем* (Из народной песни) – 'Качается (мой) тополь, раскачивается (мой) тополь'.

В башкирском языке в репрезентации значения неоднократности действия аналитические глагольные конструкции (АГК) в «чистом виде» используются редко. При необходимости уточнения неоднократности действий или аспектуальных ситуаций сами компоненты АГК могут принимать аффиксы многократности или требовать наличия при себе модификаторов кратности – контекстуальных средств. В таких случаях следует говорить о комбинированном *аналитико-синтетическом* и *контекстуально-аналитическом* способах репрезентации неоднократности действия.

При *аналитико-синтетическом* способе аффиксы многократности присоединяются к одному из компонентов АГК: *Тиф менән ауыры- итыра баиланылар* (Х. Давлетшина) – 'Стали побаливать тифом'. *Айырым торонбашта калған күз гына кайы сакта йымылдап куйғылай* (Я. Хамматов) – 'Лишь горящий уголек, оставшийся на отдельной головешке, (иногда) сверкает'.

При комбинированном *контекстуально-аналитическом* способе повторяемость ситуаций, выраженных АГК, конкретизируется модификаторами кратности: – *Мин уларзы нисек асрармын?! – тип зарланып, камсылап кына торган* (З. Бишишева) – 'Жалуюсь: – Как же я их содержу! – он то и дело высекал их кнутом'.

В башкирском языке к *интенсивности* действия выше или ниже нормы можно отнести две семантические зоны: *интенсивность выше нормы* : норма; *интенсивность ниже нормы* : норма.

Интенсивность, соответствующая норме, как правило, специальных средств выражения не требует: *Был Шәмсиҙең беренсе еңеүе булды* (Г. Хайри) – 'Это была первая победа Шамсия'.

Для характеристики интенсивности действия используются морфологические, синтаксические, лексические, контекстуальные, интонационные и комбинированные средства.

Морфематический способ представлен в языке аффиксами *-ыңкыра/-еңкерә*, *-л/-ла/-ала*, *-(ы)мһыра/-(е)мһерә*, *-(ы)н*, *-ш*, которые используются для выражения значения ослабления или усиления интенсивности действия, обозначенного глагольной основой, иногда содержат и оттенок продолжения действия: *Үмәр карт уйға калды, басылыңкыраны, уны каты ап*

тырашта калдырган акса мäsьälähe азырак сиселгэндäй булды (Х. Давлетшина) – 'Старик Умар задумался, поутих, казалось, сильно озадачивший его вопрос о деньгах немного прояснился'; *Рәхимә үзе, шлаулап йөрөп, уларзы һыйлашты* (Х. Давлетшина) – 'Рахима, сама, поплакивая, помогала их угощать'. *Айбулат көлмһөрәне лә өндәшмәне* (Х. Давлетшина) – 'Айбулат усмехнулся и замолчал'; *Айбулат кайнагаһына кал-мазар тип ныкышманы* (Х. Давлетшина) – 'Айбулат не стал (усердно) уговаривать брата жены, чтобы он остался'.

Редуцированные компоненты синтаксических конструкций в башкирском языке могут употребляться для выражения значения интенсивности действия: *Бас-бас, катырак бас, өстәлдәре һелкенһен* 'Пляши, пляши, сильнее пляши, пусть столы трясутся' (*Народная песня*). Иногда для выражения интенсивности действия используется сложение синонимичных глаголов-сказуемых: *Бер азған ул (Нурбулат) йүгерә-атларга тотондо* (Р. Низамов) – 'Через некоторое время он (Нурбулат) заторопился (досл.: начал идти то бегом, то шагом)'. Изредка для усиления интенсивности длительных действий употребляется повторение всей синтаксической конструкции: *Һал аға – мин йүгерәм, һал аға – мин йүгерәм* (М. Карим) – 'Плот плывет – я бегу, плот плывет – я бегу'.

Основа глагола-сказуемого может содержать значение интенсивности: а) выше нормы: *Әммә шул сак бер зур эт лаулап өрөп, уга (Нурбулатка) каршы сатты* (З. Султанов) – 'Однако в тот миг большая собака с громким лаем помчалась ему (Нурбулату) навстречу; б) ниже нормы: *Умәр карттың да асыуы әкреләп кәмене* (Х. Давлетшина) – 'И у старика Умара злость потихоньку поубавилась'.

Синтаксический способ выражения интенсивности представлен аналитическими моделями «деепричастие на -а/-ә, -й, -п + глаголы төш- 'спускаться, падать', кит- 'уходить', бар- 'идти' и др. в функции вспомогательного глагола»: *Айзар тагы ла кайкай бирә лә, тауышын күтәрә төшә* (Х. Давлетшина) – 'Айдар еще больше откидывается назад и повышает голос'. Первый компонент аналитической конструкции представлен фразеологической единицей, которая относится к лексическому типу аналитизма: *Айбулаттың күнеле күтәрелеп китте* (Х. Давлетшина) – 'У Айбулата поднялось настроение'; *Беләгенә көс ултыра бара уның* (Р. Низамов) – 'Он крепчает'.

При *контекстном способе* значение интенсивности действию придают аспектуальные модификаторы, выполняющие функцию обстоятельств образа действия, меры и степени: *Янгол быга айырыуса кинәнде* (Х. Давлетшина) – 'Янгул этим насладился особенно'. Значение интенсив-

ности усиливается выделением *интонацией* одной гласной в интенсификаторе: *Би-и-к яратыр инем* (М. Карим) – 'О-о-чень бы любил (полюбил)'.

Как видим, в башкирском языке для характеристики *кратности* и *интенсивности действий* используются разноуровневые языковые средства. Причем, для реализации данных аспектуальных значений представлено довольно большое количество специализированных только для этих целей аффиксов. Глагольные формы, осложненные аффиксами кратности и интенсивности, являясь маркированными членами, образуют с глаголами без этих аффиксов привативные оппозиции «многократное действие с оттенком ослабления его интенсивности : однократное действие», и «интенсивность действия ниже нормы : норма», «интенсивность действия выше нормы : норма», тем самым становятся формообразующими средствами репрезентации данных аспектуальных значений.

Исходя из этого, мы считаем возможным выделить в башкирском языке две формообразующие категории глагола – категории *кратности* и *интенсивности*, которые консолидируют вокруг себя остальные средства выражения значений кратности и интенсивности и образуют тесно взаимодействующие частные *ФСП кратности* и *интенсивности* в сфере *ФСП аспектуальности*. *ФСП кратности* и *интенсивности*, имеющие ядерные формообразующие категории глагола, являются доминирующими компонентами поля-основы.

Далее исследуются периферийные компоненты функционально-семантического поля аспектуальности в башкирском языке: *ФСП лимитативности*, *длительности* и *фазовости*.

В следующем параграфе описывается аспектуальное значение *лимитативности* в рамках функционально-семантической категории *аспектуальности*.

В функциональной грамматике термин *лимитативность* объединяет два доминирующих семантических понятия функционально-семантической категории *аспектуальности* – '*предельность*' и '*непредельность*' действия. Многие слависты с понятием «предельность / непредельность действия» связывают глагольную категорию вида (Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин, В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов, Л.П. Размусен, Е.А. Реферовская, М.А. Шелякин и др.).

Определяющее воздействие на развитие отечественной аспектологии в данной области оказала теория *ФСП лимитативности*, разработанная А.В. Бондарко. Лимитативность трактуется им как «семантическая категория, объединяющая разные типы отношения действия (в широком смысле) к пределу, и вместе с тем как поле, охватывающее средства того или иного языка, служащие для выражения указанных отношений». При этом под понятием '*предельность*' подразумевается временная граница действия.

В русском языке доминирующую роль среди средств выражения аспектуальных значений занимает грамматическая категория *глагольного вида*, которая является ядром как ФСП лимитативности, так и в ФСП аспектуальности – поля-основы, так как оппозиция «предельность : неопределенность действия» является ядерным семантическим признаком обоих полей.

В безвидовом башкирском языке лимитативность уступает центральное положение другим аспектуальным значениям, в частности, кратности и интенсивности, и оказывается периферийным компонентом ФСП аспектуальности.

В зависимости от характера семантических признаков и уровней принадлежности средств их реализации мы вслед за А.В. Бондарко выделяем следующие типы предела: внутренний и внешний; реальный и потенциальный; эксплицитный и имплицитный; абсолютный и относительный.

Значения *внутреннего* и *внешнего* типов предела могут пересекаться и взаимодействовать.

О *внутреннем* пределе можно говорить тогда, когда ограниченность или неограниченность действия во времени определяется характером самого действия, отраженном в значениях глагола. Данный тип предела в башкирском языке выражается: а) предельными глаголами: *Бикташ агайзың икенсе төрлө хәбәр башлауы миңең уйымды бұл* (Н. Мусин) – 'То, что Бикташ агай начал другой разговор, прервало мои мысли'; б) неопредельными глаголами: *Төпкө бүлмә зур, урамга ла, ихата ягына ла өсәр тәзрә карай* (Н. Мусин) – 'Дальняя комната большая, и на улицу, и на двор смотрят (обращены) по три окна'; в) нейтральными глаголами: *Бер сокор буйында беләк буйы һөйәк кимереп ултыра* (Н. Мусин) – 'Сидит у оврага, обгладывая мосол (размером человеческой руки)'.
Лимитативные ситуации, репрезентируемые АГК, функционально равноценными одной словоформе, мы причисляем к *внутреннему* типу предела: *Ғәйебем булһа, Һинән башка ла хөкөм итерзәр* (Н. Мусин) – 'Если виновен, осудят и без тебя'. Значение предельности / неопределенности формообразующих АГК *синтаксического* типа зависит от семантики вспомогательного компонента, который может содержать значение а) предельности: *Фатима ниндәйзәр бер ят сокорға барып төштө* (Г. Хайри) – 'Фатима провалилась в какую-то яму' и б) неопределенности: *Алдыбыҙға зур ғына күл йәйрәп ята* (Р. Низамов) – 'Перед нами простирается довольно большое озеро'.

О *внешнем* типе предела следует говорить в тех случаях, когда временная граница не зависит от характера самого действия, а обуславливается

внешними по отношению к нему факторами (указание на предельный срок, наступление другого действия). В башкирском языке внешний тип предела модифицируется *контекстуальными средствами* (обстоятельствами времени, меры и степени): *Шулай ул (Закир) кәзгә хәтле ауылдан-ауылға йәйәү кырк тартма ташып йөрөнө* (З. Бишева) – 'Закир так пешком из одной деревни в другую вплоть до осени таскал коробки (коробейника)'.
В аспектологии в зависимости от реального достижения предела или только направленности на предел различаются *реальный* и *потенциальный* типы предела (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко и др.). Если в славянских языках данные типы предела разграничиваются формами глагольного вида (реальный предел – постоянный семантический признак совершенного вида, а потенциальный предел может быть выражен лишь формами несовершенного вида), то в башкирском языке ввиду отсутствия грамматической категории глагольного вида, реальный и потенциальный подтипы лимитативности выражаются средствами иных уровней языковой системы.

В зависимости от наличия в глагольной основе значения направленности действия к реальному или потенциальному пределу, лимитативность может быть выражена *лексическими* средствами: а) реальный тип предела: *Уның бөтә ғүмере урманда үзгән* (Г. Хайри) – 'Вся его жизнь прошла в лесу'; б) потенциальный тип предела: *Яралар әкрәнләп уналды* (Н. Мусин) – 'Раны постепенно затянулись'.

При модификации лимитативных ситуаций аналитическими и контекстными средствами можно говорить о *синтаксических* и *контекстных* способах выражения а) реального: *Кояш бөтөнләй байып бара* (Н. Мусин) – 'Солнце почти полностью закатывается' и б) потенциального типов предела: *Көн қисқә ауышқайны инде* (Б. Рафиков) – 'День клонился к вечеру'.

Предел называется *эксплицитным*, если налицо явно выраженное значение полноты (исчерпанности) данного проявления протекания действия в речи. Эксплицитный предел является основной разновидностью реального предела. Предел называется *имплицитным* в том случае, когда данное значение лишь подразумевается в определенных условиях контекста.

В башкирском языке эксплицитный предел выражается *лексически* посредством предельных глаголов: *Ат ике катлы яқишы йорт алдына туктаны* (Г. Хайри) – 'Конь остановился у добротного двухэтажного дома', а имплицитный тип предела реализуется при помощи аспектуальных модификаторов: *Шулай тағы күпмелер вақыт үткән* (З. Бишева) – 'Так прошло еще сколько-то времени'.

Абсолютный и *относительный* типы предела являются разновидностями реального предела: а) абсолютный: *Кайһы бер тауға сәтләүек етешә* (Г. Хайри) – 'На некоторых горах поспевает орех'; б) относительный

ный типы предела: *Беренсе марттан Һәт продукттарына хактар төштө* (Из газеты “Ашкадар”) – ‘С первого марта снизились цены на молочные продукты’.

Лексические, синтаксические (аналитические) и контекстуальные средства выражения предельности и неопределенности действия объединяются в «частное» ФСП лимитативности в сфере функционально-семантического поля аспектуальности. Из-за отсутствия морфологического ядра, данное ФСП занимает периферийную зону в сфере поля аспектуальности.

Далее в параграфе 3.3. в рамках ФСП аспектуальности мы исследуем *функционально-семантическое поле длительности*, анализируем структуру и средства репрезентации значения длительности действия.

Значение длительности действия реализуется в виде двух противопоставленных семантических категорий – долговременная длительность : кратковременная длительность (мгновенность, недлительность).

В отечественном языкознании термин ‘длительность действия’ используется для обозначения одного из значений несовершенного вида (А.М. Пешковский, И.П. Мучник, Ю.С. Маслов, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелев и др.).

В башкирском языкознании по сей день нет специальных работ, посвященных всестороннему исследованию категории длительности.

Правда, еще в 1944 году значение длительности действия выделяется А.И. Харисовым в работе «Категория глагольных видов в башкирском языке» в рамках особого «длительного вида глагола», где приводится аналитический способ его выражения посредством глаголов *бир-, бар-, йөрө-, кил-, тор-, ят-, ултыр-, төш-* в роли модификаторов. Длительность действия воспринимается им как «нераздробленность, полнота непрерывности в его развитии», и под термином «длительный вид» объединяются два самостоятельных значения, выделяемые в современной аспектологии как значения длительности и продолженности действия.

Н.К. Дмитриев считает, что в башкирском языке значение длительности глаголу-сказуемому придают «модальные» глаголы *бар-, тор-*. А.А. Юлдашев «глаголы длительного действия» исследует в рамках словообразования глагола как одно из «лексических значений видовых форм».

Характеристика длительности действия дается нами, опираясь на А.В. Бондарко. Он разграничивает *внутреннюю детерминацию длительности действия* – длительность, обусловленную его собственными аспектуальными признаками и *внешнюю детерминацию длительности* – характеристику временной протяженности действия, определяемую показателями, находящимися за пределами предиката.

Под *внутренней детерминацией длительности действия* подразумеваются лексические, грамматические и словообразовательные средства

выражения длительности, а о *внешней детерминации длительности* речь можно вести тогда, когда она выражается контекстными средствами. Данную интерпретацию А.В. Бондарко мы принимаем за основу и разноуровневые вербальные средства выражения значения длительности действия в башкирском языке относим к ФСП длительности.

Значение длительности действия реализуется в виде двух противопоставленных семантических категорий – долговременная длительность : кратковременная длительность (краткость, мгновенность, недлительность).

Значение краткости действия в башкирском языке выражается лексическими средствами: *Мохтасар атының башын тартты* (Н. Мусин) – ‘Мухтасар дернул голову коня’; аналитическими средствами: *Байым уға боролоп карап күйҙе* (Н. Мусин) – ‘Баим, обернувшись, посмотрел на него’; контекстуальными средствами: *Әсәһенә сабый йүгергәндәй, атылып сыҡтым койма ямғырға* (Р. Бикбаев) – ‘Как ребенок, бежавший к маме, выбежал под проливной дождь’.

Долговременная длительность ситуаций реализуется разнообразными языковыми средствами.

Аналитический способ в сфере реализации значения длительности действия в башкирском языке представлен моделями «деепричастие + глаголы *йөрө-* ‘ходить’, *кил-* ‘прийти’, *тор-* ‘стоять’, *ултыр-* ‘сидеть’ в функции глагола-модификатора»: *Минзәлә артымдан калмай эйәреп йөрөй* (Н. Мусин) – ‘Минзәлә ходит за мной по пятам’; *Кар юрганына төрөнөп ойоп ултырган урманды күзәтеп киләм* (Н. Мусин) – ‘Еду (иду), наблюдая за дремлющим лесом, укутавшимся снежным одеялом’.

При *лексическом* способе длительность действия выражается в рамках глагола-сказуемого: *Һәм был ант иң зур ышаныс билдәһе булып исәпләнгә ине* (З. Бишишева) – ‘И эта клятва считалась знаком самого большого доверия’; *Мүкләнгән, яртылаш серек, кәкрә-бөкрә ағастар ята* (Я. Хамматов) – ‘Лежат деревья, покрытые мхом, наполовину сгнившие, корявые’.

В *пословицах и поговорках* формы настоящего и будущего неопределенного времени выражают действия, которые являются длительными или вневременными: *Ағасты япрак биҙәй, кешене хезмәт биҙәй* – ‘Дерево украшают листья, человека украшает труд’.

В башкирском языке для передачи значения длительности действия используется прием *редупликации*. Повторяющимися элементами могут быть как глагольные формы в составе сказуемого, обстоятельства в роли аспектуального модификатора, так и основы предложений: *Димем минең, Димгенәм, ағалыр за ағалыр* (Я. Кулмуь) – ‘Дема, моя Демушка, течет да и

течет'; *Эй эт өрзө, эт өрзө, тышта берәү йүткерзе* (Из песни) – 'Ну, собака лаяла, собака лаяла, на улице кто-то кашлянул'.

Значение длительности действия или действия как постоянное свойство субъекта может выражаться при помощи *аффикса -н*: *Төн буйы Һызландым* – 'Всю ночь мучился от боли'; *Бесәй тырнана* – 'Кошка царапается'. (Ср.: *Һызла-н-дым* – (теши) *Һызла-н-ы*. (Без аффикса *-н* глагол выражает однократное действие, притом со значением направленности действия на другой объект: *Бесәй тырнаны* – 'Кот оцарапал (кого-то) ').

Длительность действия в пределах синтаксической конструкции может модифицироваться посредством обстоятельств образа действия и времени (*контекстуальные средства*): *Дошмандың пехотаһы һәм танкылары безҙең позицияларҙы туктауһыҙ атакалай...* (Н. Мусин) – 'Пехота и танки врага беспреданно атакуют наши позиции'; *Һаман шулай таузар, далалар гизгән* (З. Биешева) – 'Все также странствовал по горам, по долам'.

Эти языковые средства в совокупности составляют «частное» ФСП длительности, которое является еще одним периферийным компонентом ФСП аспектуальности.

Далее в рамках функционально-семантической категории аспектуальности выделяется и описывается *функционально-семантическое поле фазовости*.

В башкирском языке *фазовые значения начала, продолжения и завершения действия* передаются аналитическими, лексическими, контекстуальными и комбинированными средствами.

Наиболее продуктивным способом формирования всех трех форм фазисной детерминации является *аналитизм*. Очевидно, поэтому в башкирском языкознании до настоящего времени он зафиксирован как единственный способ выражения фазовых значений. Следует отметить, что в роли вспомогательного компонента аналитических конструкций используются глаголы, именуемые 'фазовыми (фазисными)', в лексическом значении которых заложены фазовые значения. Они полностью не десемантизируются и приносят в АГК собственные фазовые значения.

Фазовые глаголы в роли сказуемого (предиката) как лексические средства репрезентации могут передавать синтаксической конструкции собственные фазовые значения.

В репрезентации *значения начала действия аналитический способ* представлен моделью «основной глагол в деепричастной форме или в форме инфинитива на *-рга/-ргә* + вспомогательные глаголы *башла-* 'начинать', *кит-* 'уходить', *кереш-* 'приступить', *ебәр-* 'отпустить', *йәбеш-* 'прилипнуть', *тотон-* 'брататься' и т.п.»: *Күз менән каш араһында ниндәйҙер һыбайлы безҙең*

ырыу ерҙәрен тапай башлаган... (Р. Низамов) – 'Какой-то всадник прямо на глазах начал топтать земли нашего племени...'; *Кунактар тағы сәй эсергә керештеләр* (З. Биешева) – 'Гости вновь приступили к чаепитию'.

К лексическим средствам выражения значения начала действия относятся фазовые глаголы *башла-*, *ебәр-*, *асыл-*, *кузгал-*, *токан-*, *тыу-* и т.п., в лексическом значении которых заложена сема начинательности: *Кышкы каникулдар башланды* (Из газеты 'Йәншишмә') – 'Начались зимние каникулы'; *Юлга ныкты ғына әзерлек менән кузгалдылар* (Б. Рафиков) – 'Тронулись в путь с довольно хорошей подготовкой'. *Фразеологизмы* как лексические средства могут передавать значение начала действия: *Актар үтә, теге Әбдрафик муллаларҙың көнө тыуа* (К. Киньябулатова) – 'Как пройдут белые, настает день Абдрафик мулл'.

При *комбинированном* способе начало кратного действия модифицируется аффиксами многократности: *Аяктары ла, аркалары ла сәнсеитерә башлануы* (З. Биешева) – 'И ноги, и руки стало покальвать (время от времени)'.

Значение продолжения действия передается аналитическим, лексическим, контекстуальным и комбинированными способами, каждый из которых имеет определенные вербальные средства выражения.

Аналитический способ представлен моделью «деепричастие на *-а/-ә, -й, -п* + глаголы *бир-* 'давать', *тор-* 'стоять', *бар-* 'идти' и др»: *Рәсүл иһә хәбәрән һөйләй бирә* (Н. Мусин) – 'А Расуль продолжает рассказывать'.

При *лексическом* способе значение продолжения действия выражается посредством фазовых глаголов: *Шунан алып ул һандык төбөндә һакланды* (Т. Гарипова) – 'С тех пор он хранился на дне сундука'. *Һөнәрсе эзләнеуен дауам иткән* (З. Биешева) – 'Мастер продолжал (свои) поиски'.

Под *контекстуальными* средствами мы понимаем обстоятельства времени, меры и степени, которые придают синтаксической конструкции значение продолженности действия: *Халык таң һарыһынан караңгыға тиклем эшләй* (Н. Мусин) – 'Народ работает от зари до поздней ночи'. *Ныязғолдоң был старшина булғу байрамы өс көнгә һузылды* (Х. Давлетшина) – 'Праздник назначения Ниязгула старшиной длился три дня'.

При *комбинированном* способе продолжение действия, выраженное АГК модифицируется редупликацией грамматических форм: *Сарыбайҙың хәле көндән-көн яҡшыра бара* (Из эпоса) – 'Состояние Сарыбая изо дня в день становится лучше'.

Фазовое значение *завершения действия* в башкирском языке находит отражение в аналитических, лексических и контекстуальных средствах.

Как известно, значение прекращения действия содержит семантику предела и оно не может выражаться формами настоящего времени глаго-

ла. Поэтому вспомогательный компонент, в основе которого содержится значение предела, не допускает при себе деепричастия с аффиксами *-a/-ə* и *-й* настоящего времени, и завершающая фаза действия выражается лишь одной аналитической моделью – «деепричастие на *-n* + глаголы *бөт*- 'закончиться', *ет*- 'достигать', *кил*- 'прийти', *текәл*-, *төкәл*-, *төртөл*- 'упираться, прислоняться, уткнуться' в функции глагола-модификатора»: *Улар (бәккәләр) үсеп бөттө* (М. Карим) – 'Они (гусята) выросли'; *Озакламай кыз за һыу көйәнтәләп кайтып килде* (Х. Давлетшина) – 'Вскоре вернулась и девушка, неся коромысло с водой'.

При лексическом способе значение прекращения действия выражается фазовыми глаголами: *Бына әкрәләп Ел-Дауыл үзгән* (З. Бишева) – 'Вот постепенно ураган прошел'; *Ауырыузар һүззәренән түктанылар* (Х. Давлетшина) – 'Больные прекратили (свой) разговор'. Фразеологизмы также могут передавать значение прекращения действия: *Бына бит теге телевизорҙарҙың осо кайза барып төкәлдә* (Н. Мусин) – 'Вот ведь чем закончилась история с теми телевизорами'.

К контекстуальным средствам можно отнести сочетания имени существительного со значением времени суток, года или местоимения в форме основного или направительного падежа + послелоги *менән*, *буйына* 'с, по, в течение', *тиклем*, *хәтле*, *хәтлем* 'до, вплоть до, с' и т.п. в роли обстоятельства времени, которые очерчивают границы, пределы действия во времени: *Кәртте төн уртаһына тиклем уйнанылар* (Х. Давлетшина) – 'Играли в карты до середины ночи'.

Таким образом, равноуровневые средства выражения фазовых значений, объединенные на основе общей семантической функции – выражение значения начала, продолжения и завершения действия, составляют «частное» ФСП фазовости, которое является периферийным компонентом функционально-семантического поля аспектуальности.

На основе вышеизложенного мы определили структуру ФСП аспектуальности. Термин «поле» ассоциируется с магнитными или электрическими полями, имеющими трехмерную шарообразную структуру. Вследствие этого свое видение явления взаимодействия ФСП мы представили в «разрезе» на рис. 1. Здесь наглядно видно, что «частные» ФСП кратности и интенсивности, имеющие в центре формообразующие категории кратности и интенсивности, являются доминирующими компонентами, консолидирующими остальные «частные» ФСП в сфере функционально-семантического поля аспектуальности.

Каждое из представленных на рисунке ФСП состоит, в свою очередь, из нескольких компонентов, имеющих полевую структуру. Они объединяются в «частные» ФСП и размещаются в сфере поля-основы по принци-

пу «центр – периферия». Они, подобно полям-основам, интегрируются, взаимодействуют между собой. Так, «частные» ФСП, являющиеся компонентами поля аспектуальности, образуют диффузные сегменты фазово-кратного, фазово-интенсивного, интенсивно-кратного, длительно-фазового, фазово-кратно-интенсивного и др. типов.

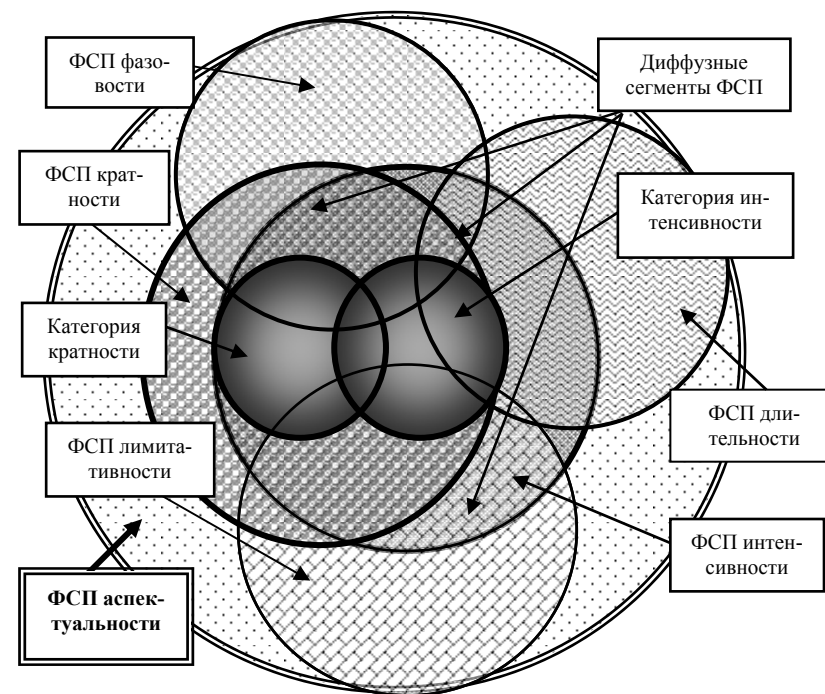


Рис. 1. Структура поля аспектуальности в башкирском языке

Таким образом, функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке, представляя собой полевую структуру, состоящую из комплекса интегрирующихся, но самостоятельных «частных» ФСП кратности и интенсивности, которые являются доминирующими компонентами аспектуального поля; ФСП лимитативности, длительности и фазовости как периферийные компоненты. Они репрезентируются синтаксическими (аналитическими), морфологическими (аффиксацией и редупликацией), лексическими, контекстуальными, интонационными и комбинированными сред-

ствами, совокупность которых образует функционально-семантическое поле аспектуальности.

В четвертой главе – «*Взаимодействие функционально-семантических полей в разносистемных языках*» – освещается явление взаимодействия функционально-семантических полей, определяется их внутрикатегориальная иерархия. Здесь нами предлагается авторская трактовка структуры диффузных сегментов ФСП аспектуальности и локативности, аспектуальности и темпоральности в зоне их взаимопроникновения в структуру друг друга в русском и башкирском языках. Отправной точкой при их описании явилась теория взаимодействия ФСП, основанная В.Г. Адмони, Ю.С. Масловым, А.В. Бондарко и др.

Существенной особенностью функционально-семантических полей является то, что они функционируют в языке не изолированно, а тесно контактируя, взаимодействуя, интегрируясь: группировки частично пересекающихся, взаимодействующих ФСП являются первичным фактом, онтологической данностью, а отдельные поля – лишь элементом этих группировок.

Явление взаимодействия ФСП в славянских языках, имеющих отношение к предикативному ядру, мы представили в «разрезе» на рис. 2.

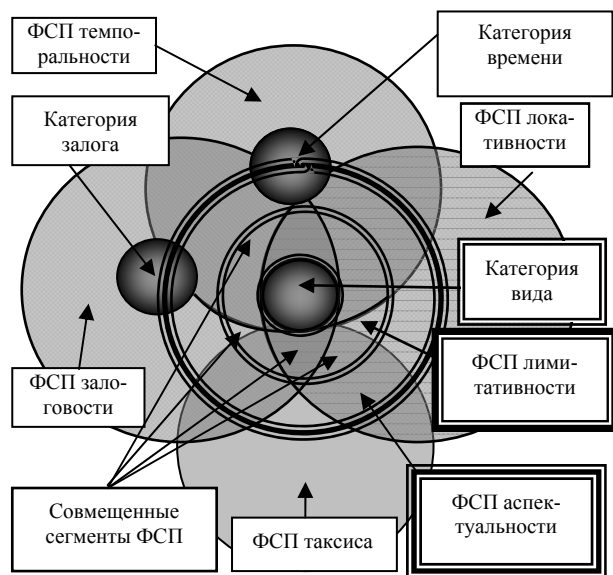


Рис. 2. Взаимодействие ФСП в русском языке

ФСП не просто пересекаются, а взаимопроникают в сферы друг друга и образуют диффузные сегменты аспектуально-темпорального, аспектуально-темпорально-таксисного, аспектуально-темпорально-локативного и др. типов. Здесь наглядно представлено и то, что в русском языке категория вида является грамматическим ядром, консолидирующим вокруг себя остальные компоненты поля аспектуальности, а также центром ФСП лимитативности.

Явление взаимодействия разноуровневых функционально-семантических полей универсально и при условии учета специфических особенностей и внутренних законов каждого изучаемого языка применимо при описании аналогичных явлений языка любой системы.

При описании категории аспектуальности в башкирском языке мы попытались определить ее связь с другими смежными функционально-семантическими и грамматическими категориями, выявить особенности взаимодействия ФСП на примере полей аспектуальности и локативности (в башкирском языке оба этих ФСП грамматического ядра не имеют), аспектуальности и темпоральности (ФСП темпоральности имеет грамматическое ядро – категорию времени глагола). Для большей наглядности мы данное явление даем в сравнительно-сопоставительном плане с аналогичными явлениями русского языка иной языковой структуры.

В русском языке акцентируется отношение действия к его временному пределу, вследствие чего преобладающей оказывается детерминация *временных способов действия*. В башкирском языке, как и в других тюркских языках, специальной грамматической категории, подобной категории глагольного вида в славянских языках, нет. Глагольные формы с видовыми значениями относятся к способу глагольного действия, при вербализации которого наиболее существенным является совмещенная *пространственно-временная* (аспектуально-темпорально-локативная) и *количественная оценка* аспектуальных ситуаций.

Такая различная интерпретация характера протекания и распределения действия в двух языковых системах объясняется тем, что доминирующие виды конкретизации высказывания в потоке речи в разных языках не всегда совпадают, что языковая картина мира в них различается. Разные подходы к определению содержания одних и тех же фактов действительности башкирского и русского народов, образ жизни которых, следовательно, и отражение его в языке существенно отличаются, наиболее ярко проявляются в двойном восприятии и репрезентации ими пространства и времени.

Данный языковой феномен проиллюстрирован нами на примере семантической группы глаголов движения, которые совмещают в себе одно-

временно два показателя – аспектuality и локативность – и являются наиболее продуктивными средствами выражения диффузной пространственно-временной характеристики действия (см. рис. 3). Здесь наглядно видно, что два поля взаимопроникают и образуют сегмент аспектуально-локативного типа, где в совмещенном пространственно-временном сегменте превалируют глаголы движения.

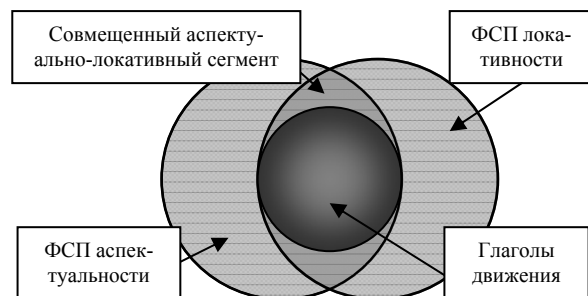


Рис. 3. Взаимодействие полей аспектуальности и локативности в башкирском языке

Поскольку в башкирском языке отсутствует особая морфологическая категория для выражения пространственной характеристики действия, взаимодействие аспектуальных и локативных значений в рамках грамматических категорий невозможно. На фактическом материале можно смело утверждать, что интегрированная пространственно-временная характеристика глагольных действий происходит на уровне ФСП аспектуальности и локативности.

Глаголы движения, выражающие однонаправленное движение в пространстве, совмещают в себе фазовые значения: а) начала: *Гунарсы, атына атланып, һырт өстөнән алға йүнәлдә* (Р. Низамов) – 'Охотник, сев верхом на лошадь, направился по хребту вперед'; б) продолжения: *Без инде урам буйлап барабыз* (М. Карим) – 'Мы уже идем по улице'; в) завершения движения: *Председатель Якуп агайзың артлы санаһы безҙең қапқа тебөнә килеп туктаны* (М. Карим) – 'Тарантас председателя Якуп ага остановился у ворот'.

Глаголы движения, выражающие перемещение а) из пространственного ориентира или б) направленное внутрь, совмещают в себе семантику завершенности, однократности действия: а) *Тышқа һалкын алырға сыктым* (Н. Мусин) – 'Вышел во двор подышать свежим воздухом'; б) *Шәүлә қартә әсенә инеп юғалды* (Г. Хайри) – 'Тень, проникнув во двор, исчезла'. Обстоятельства уточняют пространственный ориентир действия.

Перечень вариантов пространственно-временной характеристики действия можно продолжить, так как выражаемая аспектуально-локативная ситуация варьируется в зависимости от количества субъектов и объектов действия, способов осуществления передвижения и т.д.

Поле *аспектуальности*, кроме поля локативности, взаимодействует с полем *темпоральности*. Если аспектуальность определяет характер протекания и распределения действия во времени, то темпоральность охватывает временные отношения, ориентированные на момент речи или какой-либо иной момент, связанный со временем речи (А.В. Бондарко). В славянских языках оба этих ФСП имеют собственные грамматические ядра (центры): ФСП аспектуальности – категорию глагольного вида, поле темпоральности – категорию времени, которые консолидируют вокруг себя остальные разноуровневые средства выражения аспектуальных и темпоральных значений. Взаимопроникающие два поля образуют диффузный сегмент аспектуально-темпорального типа. Центр диффузной зоны занимает интегрированный видо-временной сегмент, образованный в зоне взаимодействия глагольных категорий вида и времени.

Взаимоотношение глагольных категорий времени и вида в тюркологии толкуется неоднозначно.

Ученые, считающие, что категория глагольного вида характерна и тюркским языкам, полагают, что эти две категории тесно взаимосвязаны и видовые значения выражаются преимущественно формами прошедшего времени (Н.З. Бакеева, Р.С. Газизов, Н.К. Дмитриев, М. Кулаев, А.И. Харисов и др.).

Лингвисты, признающие тюркские языки безвидовыми, наоборот, указывают, что в языках данной группы отсутствие глагольного вида компенсируется многочисленными формами времени глагола (Н.И. Ашмарин, Н.А. Баскаков, Ф.А. Ганиев, Б.Н. Головин, Н.Ф. Катанов, Р.З. Мурашов, Д.М. Насилов, Г.Д. Санжеев, Б.А. Серебренников, А.Н. Тихонов, В.Н. Хангильдин, Р.О. Шенкнехт, А.М. Щербак и др.).

Мы присоединяемся к мнению второй группы тюркологов, и считаем, что разветвленные формы времени глагола выражают совмещенные аспектуально-темпоральные, т.е. видо-временные значения.

В тюркских языках формы *прошедшего времени* отличаются от других временных форм своей многочисленностью и своеобразным соотношением значения, структуры и сферы употребления. Так, например, в башкирском языке выделяется до четырнадцати форм прошедшего времени, причем, имеются особые формы, передающие совмещенные видо-временные значения.

Глагол в форме *прошедшего определенного (очевидного)* времени чаще всего обозначает действие, которое содержит указание на его результат

(предел) к моменту речи, т.е. носит диффузный аспектуально-темпоральный характер: *Ғалиев уға кабинетының ишек алдында тап булды* (Н. Мусин) – 'Галиев встретился ей у двери кабинета'.

Прошедшее неопределенное время также выражает значение результативности действия. Часто встречается в значении перфекта: говорящий может удостовериться в подлинности фактов и явлений только по их результатам в настоящее время: *Тик башкорт бер касан да ил басмаган* (Р. Низамов) – 'Но башкир никогда не завоевывал страны'.

Прошедшее незаконченное время передает значение продолженности действия в прошлом, очевидцем которого был субъект речи: *Ә Физзәт уны тышта көтөп тора ине инде* (Н. Мусин) – 'А Гиззат ждал его на улице (тогда)'. Четырехкомпонентная аналитическая конструкция указывает на еще большую продолжительность действия.

Диффузность темпорально-аспектуального значения *давнопрошедшего определенного времени* заключается в том, что данная форма времени выражает действие, систематически повторявшееся в далеком прошлом: *Шул ук фекерҙе Мәскәу ауылы егете шағир Фәрит Билалов та (мәркүм) әйтәп йөрөй торғайны* (Р. Насиров) – 'Ту же мысль, бывало, высказывал парень из деревни Москва поэт (покойник) Фарит Билалов'.

Давнопрошедшее неопределенное время передает значение кратности неочевидного действия, происходившего в очень давние времена: *Ул (Алпамыша), газәте буйынса, бер йоклаһа, алты көн, алты төн йоклай торған булған* (Из эпоса) – 'Оказывается, по привычке, он (Алпамыша), если спал, то спал шесть дней и шесть ночей'.

Предпрошедшее определенное и неопределенное время означают: а) законченные в прошлом действия, результат которых существует в настоящем: *Замановтар нәсәл-нәсәптәре менән урманға, урман эшенә бәйләнгәйнеләр* (Н. Мусин) – 'Замановы всем семейством (уже) связаны лесом, лесными работами'. *Алпамышаның башында тыумыштан алтын айы булған була* (Из эпоса) – 'У Алпамыши на лбу с рождения, оказывается, был золотой месяц'; б) соотнесенные действия: *Ул (Мөбәрәк) ауылға кайтып ингәндә, төн уртаһы аугайны инде* (Н. Мусин) – 'Когда он (Мубаряк) въехал в деревню, (уже) перевалило за полночь'.

В первом случае форма передает значение перфекта и носит диффузный аспектуально-темпоральный характер, во втором – передает значение таксиса, следовательно, совмещенно выражает аспектуально-темпорально-таксисное значение. Различие между таксисом и перфектностью состоит в том, что первый из них характеризует соотнесенность двух или более разных действий в одной ситуации, а перфектность обозначает этапы развития одного и того же действия в данной ситуации.

Настоящее время в башкирском языке в зависимости от лексического значения глагола и контекста выступает как диффузная темпорально-аспектуальная форма: *Көн кисәүләй* (Х. Давлетшина) – 'Вечереет'. Значение *актуального* или *конкретного* настоящего времени реализуется наречиями времени типа *хәзер, бөгөн, әле*: *Улар хәзер безҙе үзҙәре яғына ымлап тора* (Р. Низамов) – 'Сейчас они зовут нас на свою сторону'.

Взаимодействие ФСП аспектуальности и темпоральности в башкирском языке представлено на рис. 4. В зоне взаимопроникновения ФСП аспектуальности и темпоральности образуется не видо-временной, как в русском языке, а *аспектуально-темпоральный сегмент*. Причем, в поле темпоральности категории времени отводится большая, чем в русском языке зона. Это, с одной стороны, объясняется отсутствием категории вида в башкирском языке и совмещением значения данной категории с разветвленной системой категории времени глагола, многообразием форм временных значений, с другой.

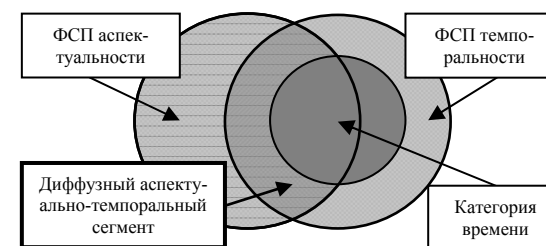


Рис. 4. Взаимодействие полей аспектуальности и темпоральности в башкирском языке

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в отношении безвидового башкирского языка вести речь о совмещенных видо-временных формах на уровне грамматических категорий глагола оснований нет. Наличие, например, особых форм прошедшего времени, специализированных для выражения аспектуальных значений, и содержание аспектуальной семантики в каждой из временных форм дают возможность говорить о совмещенных аспектуально-темпоральных значениях на более высоком уровне языковой иерархии – на уровне ФСП.

Так вырисовывается общая картина взаимодействия ФСП: они реализуются в виде интегрирующихся сложных структур, которые взаимопроникают и образуют диффузные (совмещенные) сегменты аспектуально-локативного, аспектуально-темпорального, аспектуально-темпорально-локативного и др. типов (см. рис. 5).

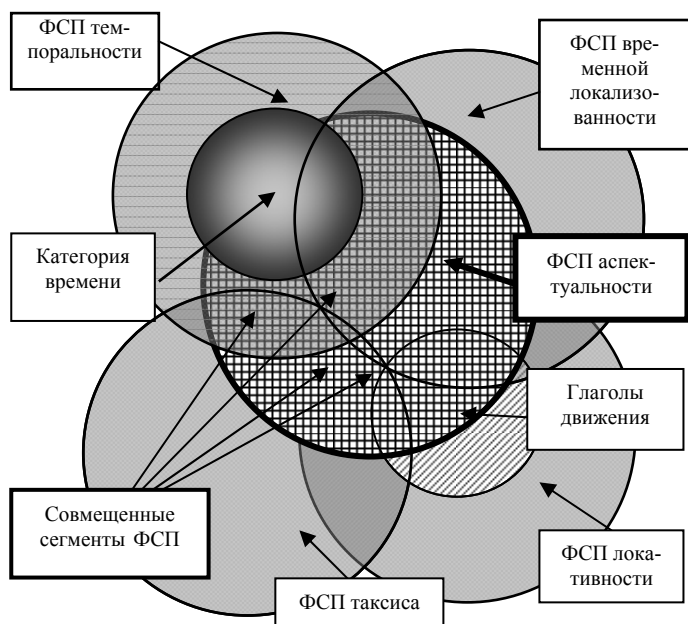


Рис. 5. Взаимодействие ФСП в башкирском языке

Само функционально-семантическое поле аспектуальности взаимодействует с другими функционально-семантическими полями и образует диффузные (совмещенные) сегменты. Например, ФСП аспектуальности, интегрируясь и взаимопроникая в ФСП локативности и темпоральности, образует сегменты, где совмещаются аспектуально-локативные и аспектуально-темпоральные значения.

В Заключение излагаются теоретические обобщения, приводятся основные положения проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения обозначенной проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК МОиН РФ

1. Абуталипова, Р.А. Аффиксация как способ образования аспектуально релевантных глагольных форм в башкирском языке / Р.А. Абутали-

пова // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Лингвистика». – М., 2007. – № 4. – С. 16-24 (0,6 п.л.).

2. Абуталипова, Р.А. Вербальные средства репрезентации значения длительности действия в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Вопросы филологии. – М., 2007. – № 4. – С. 126-131 (0,6 п.л.).

3. Абуталипова, Р.А. Аспектуальные модификаторы в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Вестник Башкирского гос. ун-та. – Уфа : БГУ, 2008. – № 4. – С. 975-978 (0,4 п.л.).

4. Абуталипова, Р.А. Аналитизм в сфере формирования аспектуально релевантного контекста в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Челябинск : ЧелГПУ, 2008. – № 6. – С. 127-135 (0,5 п.л.).

5. Абуталипова, Р.А. Редупликация как способ аспектологической деривации в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Искусство и образование. – М., 2008. – № 7 – С. 73-77 (0,4 п.л.).

6. Абуталипова, Р.А. Кратность и интенсивность как доминирующие компоненты поля аспектуальности в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Искусство и образование. – М., 2008. – № 9. – 146-151 (0,3 п.л.).

7. Абуталипова, Р.А. О диффузном сегменте полей аспектуальности и темпоральности в сфере их взаимопроникновения (на материале русского и башкирского языков) / Р.А. Абуталипова // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – Челябинск : ЧелГПУ, 2008. – № 11. – С. 221-229 (0,5 п.л.).

8. Абуталипова, Р.А. Взаимодействие полей аспектуальности и локативности в русском и башкирском языках / Р.А. Абуталипова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. – 2008. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 91-96 (0,5 п.л.).

Монография и учебно-методическое пособие

9. Абуталипова, Р.А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке : Монография / Р.А. Абуталипова. – Уфа : Гилем, 2008. – 294 с. (18,4 п.л.).

10. Абуталипова, Р.А. Категория аспектуальности в башкирском языке (на башк. яз.) : Учеб.-метод. материалы для студ. башкирских отделений вузов / Р.А. Абуталипова. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2008. – 120 с. (7 п.л.).

Статьи и материалы конференций

11. Абуталипова, Р.А. Средства выражения аспектуальности в современном башкирском языке (на материале сказания “Мастер и Подмастерье” З. Бишевой) / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы тюркского языкознания : межвуз. науч. сб. – Уфа : РИО БашГУ, 2002. – С. 38-42. (0,3 п.л.).

12. Абуталипова, Р.А. Речевые единицы башкирского языка, обозначающие повторяемость действия (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Изучение и преподавание башкирского языка и литературы в средней и высшей школах : Матер. республ. науч.-практ. конф. – Уфа : БГУ, 2003. – С. 52-56 (0,3 п.л.).

13. Абуталипова, Р.А. История изучения категории вида в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Культура народов Башкортостана : история и современность : материалы регион. науч. конф. – Уфа : РИО БашГУ, 2003. – С. 161-162 (0,2 п.л.).

14. Абуталипова, Р.А. Лексические средства выражения аспектуальных значений в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы филологии и школьного филологического образования : сб. материалов заочной межвуз. науч.-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2004. – С. 9-11 (0,2 п.л.).

15. Абуталипова, Р.А. Употребление паронимов-глаголов как средство выражения аспектуальных значений в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Проблемы преподавания башкирского языка и литературы в башкирской школе (в системе “школа – педколледж – педвуз”) : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию СГПА и 250-летию С. Юлаева. – Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия, 2004. – С. 19-20 (0,1 п.л.).

16. Абуталипова, Р.А. О грамматической категории вида и аспектуальности в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Языковая политика и языковое строительство в Республике Башкортостан : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С. 55-58 (0,3 п.л.).

17. Абуталипова, Р.А. Выражение аспектуальной семантики лексическими единицами (на материале башкирского языка) / Р.А. Абуталипова // Башкирская филология : история, современность, перспективы : Труды Всерос. науч. конф. – Уфа : Гилем, 2005. – С. 18-23 (0,4 п.л.).

18. Абуталипова, Р.А. О содержании лингвистического понятия “аспектуальность” (К постановке проблемы) / Р.А. Абуталипова // Цивилизация народов Поволжья и Приуралья : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч. конф. – Т. III. Проблемы языка и этноса на рубеже веков. – Чебоксары : Чувашгоспед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2006. – С. 3-9 (0,4 п.л.).

19. Абуталипова, Р.А. Об аспектуальной семантике глагола-сказуемого в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы башкирской филологии : материалы регион. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию башкирск. отд. БирГСПА. – Бирск : Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2006. – С. 13-17 (0,3 п.л.).

20. Абуталипова, Р.А. Роль послелогов в формировании речевых конструкций с временной аспектуальностью в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы филологии и филологического образования : труды Всерос. науч. конф. – Уфа : Гилем, 2006. – С. 11-13 (0,2 п.л.).

21. Абуталипова, Р.А. Об аспектуальной семантике форм прошедшего времени глагола в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы филологии и филологического образования : труды Всерос. науч. конф. – Уфа : Гилем, 2006. – С. 14-17 (0,3 п.л.).

22. Абуталипова, Р.А. Имеется ли грамматическая категория вида глагола в башкирском языке? (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Учитель Башкортостана, 2007. – № 1. – С. 31-34 (0,4 п.л.).

23. Абуталипова, Р.А. Дж.Г. Кiekбаев о категории объема глагола в башкирском языке (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Республиканские Кiekбаевские чтения : сб. материалов Кiekбаевских чтений. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия, 2007. – С. 10-13 (0,2 п.л.).

24. Абуталипова, Р.А. О лингвистическом статусе аспектуальных модификаторов типа *бик, үтә, ғәйт, уғата, ифрат* и т. п. / Р.А. Абуталипова // Проблемы сохранения башкирского фольклора : труды республ. науч.-практ. конф. – Уфа : Гилем, 2007. – С. 59-62 (0,2 п.л.).

25. Абуталипова, Р.А. Безличные глаголы в башкирском языке и их формы, выражающие аспектуальные значения (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Профессор Дж. Г. Кiekбаев и проблемы современной тюркологии : материалы Всерос. науч. конф. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – С. 244-247 (0,2 п.л.).

26. Абуталипова, Р.А. О морфематическом способе выражения аспектуальной семантики в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Труды Стерлитамакского филиала АН Республики Башкортостан. Серия «Филологические науки». Вып. 2. – Уфа : Гилем, 2006. – С. 15-20 (0,4 п.л.).

27. Абуталипова, Р.А. Употребление языковых средств, выражающих аспектуальную семантику, в литературно-критических статьях Р.Н. Баймова (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Башкирская духовная культура древности и средневековья : проблемы изучения : материалы Всерос. науч. конф. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2007. – С. 235-237 (0,2 п.л.).

28. Абуталипова, Р.А. Роль фразеологизмов в формировании аспектуально релевантных синтаксических конструкций (на материале башкирского языка) / Р.А. Абуталипова // Познание реальности : прошлое, современность, перспективы : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Пермь, 2007. – С. 3-8 (0,2 п.л.).

29. Абуталипова, Р.А. Образование аспектуально значимого контекста посредством аффиксов *-л, -ла, -ала* в башкирском языке / Р.А. Абу-

липова // Языковая личность : проблемы статуса и формирования : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж : АНО МОК ВЭПИ, 2007. – С. 3-6 (0,2 п.л.).

30. Абуталипова, Р.А. Национально специфические особенности категории аспектуальности в разносистемных языках (На материале русского и башкирского языков) / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы психолого-педагогических исследований. Ч. 2. Сб. материалов : Общее собрание АПСН 27-28 апреля 2007 г. – М., 2007. – С. 42-47 (0,3 п.л.).

31. Абуталипова, Р.А. Вид или способ действия? / Р.А. Абуталипова // Восточное общество : интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С. 184-185 (0,2 п.л.).

32. Абуталипова, Р.А. Непродуктивные аффиксы, образующие глагольные формы со значением усиления или ослабления интенсивности действия в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Всерос. заочн. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2007. – С. 36-40 (0,3 п. л.).

33. Абуталипова, Р.А. Средства выражения аспектуальной семантики в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. Вып. IX / под ред. д-ра филол. наук Т.Ю. Тамерьян. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2007. – С. 228-231 (0,4 п.л.).

34. Абуталипова, Р.А. Контекстуальные средства реализации аспектуальных значений в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Язык. Дискурс. Текст : материалы III междунар. науч. конф. – Ростов на Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2007. – С. 84-85 (0,2 п.л.).

35. Абуталипова, Р.А. Вербальные средства репрезентации значения начала действия в русском и башкирском языках / Р.А. Абуталипова // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. – С. 26-37 (0,5 п.л.).

36. Абуталипова, Р.А. Место и роль глаголов движения в диффузном сегменте полей аспектуальности и локативности в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Башкирское филологическое образование : история, современность, перспективы : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 450-летию добровольного вхождения Башкортостана в состав России и 10-летию фак-та башк. филол. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия, 2007. – С. 22-25 (0,3 п.л.).

37. Абуталипова, Р.А. Вербальные средства репрезентации значения продолжения действия в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Башкир-

ская филология : достижения, актуальные проблемы : материалы республ. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Ч. 1. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. – С. 11-16 (0,4 п.л.).

38. Абуталипова, Р.А. Вербальные средства репрезентации значения внешнего и внутреннего типов предела в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. – С. 250-254 (0,3 п.л.).

39. Абуталипова, Р.А. Функционально-семантическое поле фазовости в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. – С. 245-250 (0,3 п.л.).

40. Абуталипова, Р.А. Н.К. Дмитриев о категории интенсивности в башкирском языке (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Урал-Алтай; через века в будущее : материалы III всерос. тюркологической конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. – Уфа, 2008. – С. 25-27 (0,3 п.л.).

41. Абуталипова, Р.А. Кратность как особая глагольная категория в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Язык и литература в условиях многоязычия : материалы II междунар. науч.-практ. конф. – Нефтекамск : РИО БашГУ, 2008. – С. 10-15 (0,3 п.л.).

42. Абуталипова, Р.А. Функционально-семантическое поле лимитативности в русском и башкирском языках / Р.А. Абуталипова // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии : преемственность поколений : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С. 45-48 (0,4 п.л.).

43. Абуталипова, Р.А. Интенсивность как особая глагольная категория в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Актуальные проблемы изучения и преподавания башкирского языка, литературы и фольклора в образовательных учреждениях Республики Башкортостан : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Уфа : РИЦ Башкирского гос. ун-та, 2008. – С. 121-125 (0,1 п.л.).

44. Абуталипова, Р.А. Паронимия в сфере аспектологической деривации в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Вузовская наука : инновационные подходы и разработки : сб. науч. тр. профессорско-преподавательского состава Стерлитамакской гос. пед. академии им. Зайнаб Бишевой. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2008. – С. 53-55 (0,2 п.л.).

45. Абуталипова, Р.А. Н.К. Дмитриев о категории вида в башкирском языке (на башк. яз.) / Р.А. Абуталипова // Профессор Н.К. Дмитриев и ак-

туальные проблемы тюркологии : материалы Междунар. науч. конф. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2008. – С. 198-203 (0,2 п.л.).

46. Абуталипова, Р.А. Функционально-семантическое поле кратности в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. акад., 2008. – С. 19-21 (0,2 п.л.).

47. Абуталипова, Р.А. Средства репрезентации значения однократности действия в башкирском языке / Р.А. Абуталипова, Г.Р. Байдавлетова // Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак : Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С. 22-23 (0,2 п.л. – 0,1 п.л. авт. участия)

48. Абуталипова, Р.А. А.И. Харисов об аналитических глагольных образованиях в башкирском языке / Р.А. Абуталипова // Исследование языков народов Российской Федерации в свете лингвистических парадигм : теория и практика : труды Всерос. науч. конф. – Уфа : Гилем, 2008. – С. 12-15 (0,3 п.л.).

49. Абуталипова, Р.А. Вербальные средства репрезентации значения прекращения действия в русском и башкирском языках / Р.А. Абуталипова // Исследование языков народов Российской Федерации в свете лингвистических парадигм : теория и практика : труды Всерос. науч. конф. – Уфа : Гилем, 2008. – С. 15-19 (0,4 п.л.).